

Т.В. ПАВЛОВА*

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ФАКТОРЫ ФОРМИРОВАНИЯ РОССИЙСКОГО ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОГО ПОРЯДКА И ПОТЕНЦИАЛ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ

Аннотация. В статье анализируется влияние социокультурных факторов на формирование институционального порядка в современной России. Показано, что центральной проблемой формирования российского институционального порядка является конгруэнтность складывающихся институтов социокультурной среде, в которую они встраиваются. Обосновывается тезис о необходимости дополнения неоинституционального подхода социокультурным. Констатируется, что внедрению, освоению новых, присущих обществу модерна институтов препятствует преобладание в массовом сознании традиционалистских социально-онтологических установок, прежде всего соборного, общинного понимания социальной жизни как деятельности своеобразного социального организма, в котором индивиды неотделимы от общества, а народ как целое является выразителем объективной социальной истины. Отмечается, что формированию универсального, не фрагментированного институционального порядка препятствует присущий российской социокультуре «раскол», конфликтный характер культуры, сосуществование в ней различных субкультур и ценностей. Препятствием для формирования институционального порядка является и свойственный российской культуре дуализм, проявляющийся во влиянии как западной, так и восточной социокультур, а также в сочетании глубокой архаики с чертами, присущими эпохе модерна. Одна из субкультур – демократическая; ее носителями, по данным наших эмпирических исследований, являются около трети россиян. Анализ ценностно-нормативных комплексов граждан, а также их установок и ориентаций подтверждает гипотезу относительно наличия у российского общества потенциала институциональных изменений и вероятности гражданского, демократического вектора трансформационных процессов. Такая трансформация станет возможной, если новые для российской социокультуры и политической культуры институты, нормы и практики будут осваиваться и внедряться с учетом специфики и традиций отече-

* Павлова Тамара Владимировна, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Отдела сравнительных политических исследований, Институт социологии ФНИСЦ РАН (Москва, Россия), e-mail: tamarapavlova@mail.ru

© Павлова Т.В., 2026

DOI: 10.31249/poln/2026.03.03

ственной культуры, а не механически переноситься из иной социокультурной и институциональной среды на российскую почву.

Ключевые слова: неинституциональный подход; социокультурный подход; институциональный порядок; социокультура; ценности; нормы; институциональные изменения.

Для цитирования: Павлова Т.В. Социокультурные факторы формирования российского институционального порядка и потенциал институциональных изменений // Политическая наука. – 2026. – № 3. – С. 44–68. – DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2026.03.03>

Введение

Дискуссия о влиянии исторически сложившихся социокультурных особенностей того или иного общества на формирование социальных и политических институтов и институциональные изменения ведется в отечественной и зарубежной научной литературе достаточно давно. В данной статье попытаемся проанализировать, какие именно факторы и особенности российской социокультуры и каким образом оказывают влияние на формирование российского институционального порядка, определяют его специфику, а также сформулировать гипотезу относительно наличия предпосылок для его потенциальных изменений. Методология исследования основывается на конструктивистской версии неинституционализма в сочетании с социокультурным подходом.

Выделяя наиболее значимые социокультурные факторы, задающие параметры и ограничения возможных институциональных изменений, мы в значительной мере использовали концептуальные разработки известных российских мыслителей А.С. Ахиезера и К.М. Кантора, недостаточно, на наш взгляд, освоенные в отечественной литературе.

Ключевые тезисы статьи обоснованы эмпирическими данными пяти всероссийских репрезентативных социологических обследований, которые проводились Отделом сравнительных политических исследований Института социологии РАН под руководством С.В. Патрушева в 2018–2022 гг.¹ Общий для всех пяти опросов базовый инструментарий позволил сопоставить результаты, выявить тенденции и создать единую базу из 4400 респондентов (в 2018 и

¹ Исследование данной проблематики проводилось коллективом начиная с середины 90-х годов прошлого столетия, однако тогда обследования не были репрезентативны для всех групп российского населения.

2019 г. общий объем выборочной совокупности составил по 700 человек в возрасте 18 лет и старше; в трех замерах 2020, 2021, 2022 гг. объем выборки составил по 1000 респондентов). Обследования были проведены методом анкетирования с участием интервьюеров и обработаны с помощью программы SPSS.

Анализ полученных данных с использованием количественных методов исследования (описательные статистики, таблицы пересечений, сравнительный анализ, факторный анализ) позволил не просто отразить общественные настроения в определенный отрезок времени, но и продемонстрировать преломление в ценностях, установках и представлениях российских граждан основных характеристик российской социокультуры и уловить устойчивые структуры массового сознания в их динамике. Было выявлено наличие у российского общества потенциала институциональных изменений и вероятности гражданского, демократического вектора трансформационных процессов, несмотря на неблагоприятный в целом социокультурный контекст.

Центральной проблемой формирования современного институционального порядка является конгруэнтность формирующихся институтов социокультурной среде социумов, в который они встраиваются. Известно, что внедрение одних и тех же институтов в различных исторических и социокультурных контекстах часто приводило к совершенно разным результатам. Так, в своем бестселлере американский социолог Роберт Патнэм [Патнэм, 1996] на основе анализа опыта внедрения демократических институтов в ходе административной реформы 1970-х годов в северных и южных регионах Италии убедительно показывает, что на промышленно развитом Севере с глубокими традициями гражданской, демократической культуры и накопленным солидным социальным капиталом эти институты приживаются гораздо легче, чем на отстающем в экономическом отношении и отягощенном традициями клиентелизма Юга, с характерным для него низким уровнем социального капитала.

Начиная с 90-х годов была предпринята попытка модернизировать российское общество путем имплантации в него новых, демократических институтов, сформировавшихся в западной социокультурной среде. Опыт социальных и политических трансформаций последних десятилетий показал, что на практике такая задача трудно реализуема и блокируется исторически сложившимися особенностями социокультурного развития и отечественной политической культуры. Представляется, что для выявления причин отторжения

социумом новых институтов недостаточно использовать только институциональный подход, а следует дополнить его социокультурным подходом [Кирдина, 2002]. Последний позволяет охарактеризовать исторический социокультурный контекст, в котором «живут» институты, а также выявить глубинные культурные и ценностные мотивации индивидов, воспроизводящих в своих повседневных практиках тот или иной социальный и политический порядок.

Неоинституциональный подход

Согласно неоинституциональному подходу, институциональный порядок социума формируется в процессе возникновения определенных конфигураций институтов (формальных и неформальных). Самое общее понятие институтов принадлежит Дугласу Норту, который определяет их как «“правила игры” в обществе, созданные человеком ограничительные рамки, которые организуют взаимоотношения между людьми» [Норт, 1997, с. 18]. Неформальные институты Норт называет «культурными ограничениями», «воплощенными в обычаях, традициях и кодексах поведения» [Норт, 1997, с. 21], которые укоренены в обществе и служат «культурным фильтром» для обеспечения непрерывности, инкрементности длительных социальных изменений.

Более развернутую дефиницию института дает С.В. Патрушев: «Институты / институты – это структура взаимодействия, правила, законы, соглашения, нормы, разделяемые убеждения о мире и средства принуждения к исполнению этих правил и норм» [Институциональная политология 2.0..., 2024, с. 29]. Институты обладают самоподдерживающими механизмами, устойчивостью и воспроизводятся в институциональных практиках.

П.В. Панов, автор фундаментальной монографии, посвященной данной проблематике, характеризует институциональные практики как «такие взаимодействия между акторами, когда в ситуации, которая интерпретируется как “типичная”, они относительно устойчиво воспроизводят принятые и коллективно осмысленные в данной социальной группе правила поведения» [Панов, 2011, с. 63]. Социальный порядок определяется им с позиций социального конструктивизма как «воспроизводство институциональных практик» [Панов, 2011, с. 63].

В данной статье используется социально-конструктивистская версия неoinституциональной теории, в логике которой институциональный порядок понимается как результат процесса институционализации, то есть воспроизводства разделяемых всеми членами социальной группы норм и правил, а также привычных способов социального взаимодействия – «взаимной типизации опривыченных действий» [Бергер, Лукман, 1995, с. 92]. Эти нормы, правила и модели конституируются самими индивидами, наделяющими их определенным смыслом в соответствии со своими культурными и ценностными установками и коллективными представлениями о социальной реальности, своей «картиной мира». Нормы и правила, которыми руководствуются члены сообщества, воспроизводятся ими в социальных и политических практиках, которые, как и всякие институциональные практики, отличаются устойчивостью, массовостью, нормативностью и способностью к воспроизводству. В процессе институционализации «все релевантные акторы могут прибегнуть к использованию хорошо укорененных и освоенных рутин» [Meyer, Tarrow, 1998, p. 21]. Институционализация порядка происходит только когда правила приобретают универсальный характер [Панов, 2009].

В конструктивистской версии неoinституционализма делается акцент на общих представлениях, смыслах, когнитивных схемах, т.е. на культурных основаниях воспроизводящихся практик. Коллективные представления о социальной реальности, общую «картину мира», можно рассматривать как «культурное измерение» социального порядка» [Панов, 2011, с. 46]. Известный неoinституционалист Пол Димаджо дает следующее определение культуры: «Под культурой мы понимаем разделяемые людьми смыслы (cognitions), ценности, нормы и экспрессивные символы (expressive symbols)». Культура – это «упорядоченная система смыслов, разделяемых группой» [Димаджо, 2004, с. 471, 484].

Классики социального конструктивизма П. Бергер и Т. Лукман отмечают интегративную роль «смыслового» или «символического универсума» в институционализации социального порядка. В их концепции речь идет об обеспечении «интегративных значений, которые будут охватывать все общество и придавать всеохватывающий контекст объективного смысла фрагментарному социальному опыту и знанию индивида» [Бергер, Лукман, 1995, с. 139]. «Символические универсумы осуществляют исчерпывающую интеграцию *всех* разрозненных институциональных процессов. Все общество приобретает теперь смысл. Отдельные институты и роли

легитимируются благодаря их включению во всеобъемлющий смысловой мир» [Бергер, Лукман, 1995, с. 139].

Таким образом, воспроизводство в практиках общих для данного сообщества представлений и смыслов делает процесс институционализации более завершенным, а социальный порядок более устойчивым и легитимным.

Возвращаясь к вопросу, поставленному в начале статьи, – о том, почему те или иные институты по-разному действуют в различных социокультурных средах, – заметим, что использование в анализе только неоинституциональной методологии не дает на него достаточно полного ответа. Дуглас Норт, подчеркивая роль «культурного наследия», «культурного фильтра» в институциональных изменениях, формулирует концепцию «зависимости от траектории предшествующего развития» («тропы зависимости» – *path dependence*), то есть обусловленности процесса институциональных изменений первоначально избранным направлением развития, закрепленного затем «механизмами самоподдержания институтов» [Норт, 1997, с. 144]. Норт отмечает необходимость для дальнейшего исследования «глубже разобраться в детерминированных культурой нормах поведения и их взаимодействии с формальными правилами» [там же, с. 178].

Концепция «тропы зависимости» была развита представителями «исторического институционализма» [Thelen, Steinmo, 1992; Mahoney, Rueschemeyer, 2003], обращавшими внимание на то, что существенные институциональные изменения происходят только в критические моменты социального и политического развития – в условиях острых кризисных ситуаций, революций, войн. Институциональные изменения исторические институционалисты связывают со сменой предпочтений акторов, однако эти предпочтения не являются у них предзаданными, как у сторонников институционализма рационального выбора [Панов, 2006, с. 62–63], а формируются под воздействием структурных факторов: исторического контекста, в котором происходит взаимодействие акторов, социально-экономических и социокультурных условий.

Исследования с использованием методологии неоинституционализма, проведенные за последние десятилетия авторским коллективом под руководством С.В. Патрушева, показали, что российский институциональный порядок отличается незавершенностью, фрагментированностью, социетальной дезинтеграцией макросреды в сочетании с социальной интеграцией внутри микросред, что блокирует формирование современного политического порядка

[Институциональная политология 2.0..., 2024, с. 141]. П.В. Панов связывает объяснение того, как происходит выстраивание политического порядка, с формированием политической идентичности социальных групп на основе интернализации индивидами, входящими в данную группу, принятых в ней социальных норм и моделей поведения [Панов, 2011, с. 104–105]. Осмысление членами социальной группы (коллектива) значения норм и моделей взаимодействия на макроуровне делает этот коллектив политическим, а порядок, основанный на таких нормах, становится политическим.

Социокультурный подход

Понимание смыслового, содержательного наполнения институтов, формирующих российский институциональный порядок, и социокультурной среды, в которой они функционируют, дает обращение к социокультурному подходу. Роль социокультурных факторов в оценке сущностных характеристик сложившегося порядка в значительной мере обусловлена его незавершенностью, фрагментированностью, отсутствием выраженных размежеваний, расколов между социальными группами по политическим основаниям.

По мнению известного социолога А.С. Ахиезера, формирование универсального, а не фрагментированного институционального порядка блокирует глубокая внутренняя противоречивость российской социокультуры, традиционный раскол между субкультурами, укладами, конфликт ценностей [Ахиезер, 1997; Ильин, Ахиезер, 2000]. Ахиезер, анализирувавший социокультурную динамику России как оппозицию двух цивилизаций (либеральной и традиционной), циклическое движение от одного нравственного идеала (либерально-модернистского) к другому (вечевому, распадающемуся на соборный и авторитарный), подчеркивал конфликтный, неорганический характер этой динамики, что выражалось в феномене раскола. Он определяет раскол как «специфическое патологическое состояние общества, характеризующееся застойным противоречием между культурой и социальными отношениями, между двумя системами ценностей, между субкультурами одной культуры» [Ахиезер, 1991, с. 54]. Раскол имеет глубокие корни в российской истории и в российском массовом сознании. Основные формы раскола: «...между обществом и государством, между народом и правящей элитой, народом и духовной элитой, между этими элитами» [там же]. Причины возникновения раскола («зрелый рас-

кол» берет начало с эпохи Петра I) Ахиезер усматривает в том, что общество, неспособное преодолеть социокультурные противоречия, пытается к ним каким-то образом адаптироваться. А это приводит к постоянному балансированию «на грани необратимой дезорганизации», состоянию «перманентного кризиса» [Ахиезер, 1991, с. 54].

В проведенных нами социологических обследованиях некоторые из выделенных Ахиезером проявлений «раскола» были эмпирически подтверждены. Прежде всего это касается отношений между обществом и властью. Так, по результатам опроса 2022 года 32% респондентов ответили, что «Власть в России действует в своих собственных интересах» и 28% – что «Власть в России действует в интересах меньшинства населения», тогда как всего 22% опрошенных согласились с утверждением, что «Власть в России действует в интересах большинства населения»¹. По данным того же опроса, 72% опрошенных полагали, что «Политика – это дело немногих», и лишь 17% – что «Политика – это дело всех»².

Устойчивость представлений россиян о том, что народ отстранен от власти, от процесса принятия политических решений, сочетается с осознанием необходимости участия граждан в принятии политических решений. По мнению респондентов, на практике решения принимаются президентом, государственными чиновниками и депутатами, выборными политиками, тогда как должны приниматься президентом, гражданами (так полагают 66% опрошенных) и депутатами.

¹ Респондентам задавался вопрос: «С каким суждением Вы согласны?» (Выберите один ответ)

- Власть в России действует в собственных интересах
- Власть в России действует в интересах меньшинства населения
- Власть в России действует в интересах большинства населения
- Не согласны ни с одним утверждением
- Затруднились ответить

² Задавался вопрос: «Какая точка зрения Вам ближе?» (Один ответ):

- Политика – это дело всех
- Политика – это дело немногих
- Затруднились ответить

Таблица 1

Представления граждан о субъектах принятия политических решений, опрошенных, 2020 г., множественный выбор

Кто, по Вашему мнению, принимает и кто должен принимать решения о целях и задачах развития страны?	Принимает решения	Должен принимать решения
Государственные чиновники	61	27
Граждане	10	66
Депутаты, выборные политики	51	50
Предприниматели	17	17
Президент	78	69
Силовики	26	4
Эксперты-экономисты	47	16
Затруднились ответить	8	8

Противоречия, составляющие содержание раскола, находятся и внутри самих индивидов, в их типе мышления. В русской культуре всегда преобладало «осмысление мира через крайности» (об этом писали еще Н. Бердяев и Н. Лосский), – такой тип мышления Ахиезер называет *инверсионным*. «Инверсия характеризуется абсолютизацией полярностей и минимальным интересом к их взаимопроникновению» [Ахиезер, 1991, с. 55]. Это архаичная форма логики, позволяющая в рамках дуалистической картины мира мгновенно переключаться в оценках на противоположную точку зрения. Второй тип мышления – *«медиация»*, которая характеризуется отказом от абсолютизации полярностей и максимизацией внимания к их взаимопроникновению, к их существованию друг через друга. Медиация возникает вместе с культурой, существуя на заднем плане инверсии» [там же, с. 56]. Медиация превращается в господствующую логику «одновременно с утверждением либеральной цивилизации, которая сама является результатом медиации: она ищет решение между крайностями, между полюсами дуальной оппозиции, через поиск меры, нового содержания культуры, осмысливаемого через эти полюса» [там же, с. 96].

Ахиезер таким образом выявляет особенности социокультурной динамики России, глубокие внутренние противоречия российского социума, его «промежуточность» между цивилизациями Запада и Востока, дуализм массового сознания, сосуществование в нем традиционализма, архаики и либеральных ценностей, основанных на развитом утилитаризме. Вместе с тем исследователь формулирует и возможные пути выхода социума из состояния перманентного кризиса, дезорганизации, преодоления раскола, по-

нимаемого как социальная патология. Прежде всего, по его мнению, необходимы изменения в сфере нравственности, которую он считает важным механизмом социокультурных сдвигов, а также готовность общества к самоизменению и продвижению «на путях саморазвития к либеральной цивилизации» [Матвеева, 1997, с. 41].

Многие концептуальные постановки и понятия теории Ахиезера, такие как соборность, раскол, дуализм, используют и развивают политологи В.М. Сергеев и Н.И. Бирюков, предлагая когнитивную модель политической культуры [Бирюков, Сергеев, 1998; Бирюков, 2006], смысловое содержание которой определяют общие характеристики российской социокультуры. Самым глубинным и устойчивым компонентом политической культуры, выполняющей роль социального интегратора, является в их концепции *социальная онтология* – «система категорий, которая “задает” базисные представления о структуре и свойствах социальной реальности и типологизирует социальные ситуации. Онтологические категории используются для того, чтобы идентифицировать (“называть”) эти ситуации. В значительной части подобное знание нерелексивно» [Бирюков, 2006, с. 50].

Бирюков и Сергеев анализируют основную категорию социальной онтологии в российской культуре в целом и в политической культуре в частности – «соборность». В разработанной ими на материале формирования представительных институтов в современной России [Бирюков, Сергеев, 2004] концепции «соборной политической культуры» они видят «ядро национальной политической культуры». Социум, сообщество рассматриваются в данной концепции как «некое изначальное единство», органическая целостность, единственный законный субъект политической деятельности. «Автономные действия любых других субъектов внутри сообщества есть с этой точки зрения покушение на целостность социума, отпадение от соборного единства» [Бирюков, 2006, с. 60]. Соборная онтология не предполагает, следовательно, никакой социальной и политической дифференциации. Соответственно, не возникают и институты, предназначенные для исполнения специализированных функций (все полномочия берет на себя Власть) – «социальная онтология соборности принципиально антиинституциональна» [там же, с. 61].

Для характеристики российской социокультуры как культуры, основанной на соборности, органической целостности, неразделенности общества, показательны ответы опрошенных нами респондентов на вопросы о соотношении единства и конкуренции.

Двукратное превышение числа полагающих, что для России сегодня важнее единство политических сил, чем их конкуренция, демонстрирует сохранение традиционных социально-онтологических установок массового сознания и слабую потребность в создании современных конкурентных политических институтов.

Таблица 2

Единство vs конкуренция, % опрошенных по годам

Как Вы считаете, что сегодня полезнее для России? (один ответ)	2018	2019	2020	2021	2022
Единство различных политических сил	53	50	42	44	51
Конкуренция между различными политическими силами	30	28	34	33	23

Анализ социально-демографического профиля респондентов показывает большую приверженность установке на единство старших возрастных когорт. По данным 2022 г., единство конкуренции предпочли 54% опрошенных в категории «51–60 лет» и 58% – в категории «старше 60», 52% лиц со средним и 55% со средним специальным образованием. Наименьшую поддержку единству оказали молодые респонденты (43% – в категории «18–24 лет») и лица с незаконченным высшим (35%) и высшим (47%) образованием. Более сильная установка на единство у женщин (55%), респондентов с хорошим и средним материальным положением (56% и 53%), жителей районных центров и сельских поселений (соответственно 54% и 53%), тогда как слабее она выражена у мужчин (46%), жителей мегаполисов (45%), лиц с незаконченным высшим (35%) и высшим образованием (47%). В большей мере ориентированы на конкуренцию мужчины (29%), молодые люди в возрасте от 18 до 24 лет (28%), жители мегаполисов (32%), люди с незаконченным высшим и высшим образованием (35% и 26%), с очень хорошим (25%) и хорошим (26%) материальным положением, а в меньшей степени – женщины (17%), люди в возрасте 51–60 лет, жители райцентров и сел (20% и 22%), респонденты с неполным средним и средним специальным образованием (18% и 21%), а также лица со средним (22%) и плохим (22%) материальным положением. Можно, следовательно, сделать вывод о том, что хотя в обществе в целом сохраняется социально-онтологическая установка на единство, органическую целостность, ориентация на конкуренцию выше среди молодых, более образованных, проживающих в крупных городах и материально благополучных граждан, которые могли бы стать субъектами модернизационного развития.

Российский институциональный порядок формировался в контексте дуалистической по своему характеру культуры, что проявлялось, в частности, во влиянии как западной, так и восточной социокультур и в сочетании глубокой архаики с чертами, присущими обществу модерна.

В данной связи представляется продуктивным обращение к концептуализации проблематики социокультуры и цивилизации выдающимся российским философом К.М. Кантором, автором фундаментального историсофского труда «Двойная спираль истории» [Кантор, 2002]. Социокультурный подход у Кантора связан с социологической характеристикой взаимосвязи индивида и общности, степенью их ассоциации и диссоциации, с подчиненностью индивида социальным нормам.

Ученый называет дуализм «конститутивной чертой российской культуры». Анализируя цивилизационную специфику России, он отмечает, что, несмотря на заимствования у Запада и Востока, Россия была и остается вполне самостоятельным типом социокультуры. «При этом Россия построена из переиначенных ею социокультурных элементов Востока и Запада и, сложившись, продолжает нуждаться в них» [там же, с. 94]. Западное и восточное начала здесь «заметным образом преобразуются и плоды их приобретают иные свойства. Без Запада и без Востока Россия существовать не может. Но от одного и другого она отталкивается, им двоим она активно противостоит» [там же, с. 94]. Кантор отмечает, что определяющее влияние на российскую социокультуру оказала Византия, ценности которой соединили в себе западное и восточное начала [там же, с. 95].

Цивилизация, по Кантору, является высшей формой социокультуры, результатом социокультурной эволюции, проходящей три исторических стадии: Дикость, Варварство и Цивилизация, каждая из которых управляется своей социокультурной парадигмой. Однако с достижением третьей стадии эволюции – Цивилизации – прошлое человечества – Дикость и Варварство – не исчезает, но подчиняется высшей форме эволюционного развития. Дикость и Варварство не только предшествуют культуре Цивилизации, не только сохраняются в строе Цивилизации как его подпочва, но и остаются у ряда народов господствующим типом культуры. Трем этапам социокультурной эволюции соответствуют у Кантора три парадигмы. В парадигме Дикости племя и каждый его член вынужден был самоопределяться по отношению к природе как биосоциальный индивид. Парадигму Варварства с установкой на биосоциаль-

ный коллективизм сменяет парадигма Цивилизации с установкой на биосоциальный индивидуализм, переворачивая таким образом отношения индивида и общества. В парадигме Цивилизации индивид самоопределяется по отношению к биосоциальной и социокультурной организации общества.

Кантор рассматривает цивилизации также как «культурные типы», состоящие из элементарных проектных единиц, которые он называет паттернами. Он отмечает, что всякая социокультура есть паттернская культура. Паттерны – это проекты, обеспечивающие наследственность, устойчивость, неизменность специфической социокультуры. Ядро паттерна образуется «определенным сочетанием врожденных представлений, ценностей, норм и идей», которые «находятся в глубинных слоях сознания индивида» [Кантор, 2002, с. 75].

Кантор выделяет три типа паттернов, присущих каждой из стадий социокультурной эволюции: 1) *альфа паттерн* индивид не выделяет себя из социума; 2) *бета паттерн*, – индивид выделяет себя из социума, но не противопоставляет себя ему; 3) *гамма паттерн* – индивид обособился от общества (оставаясь внутри общества) и противопоставляет себя ему [там же, с. 76–78]. Кантор оговаривается, что речь идет об идеальных типах социокультурного мироустройства и соотносить их с реальными социокультурами определенных государств, стран, народов, этносов, племен следует с большой осторожностью.

Для стран Востока характерны альфа-паттернальные конфигурации, разбавленные в ряде стран гамма-паттернальными, для стран Европы – гамма-паттернальные конфигурации, а для России – преобладание бета-паттернальных конфигураций. В бета-паттернальной конфигурации, которую Кантор определяет как «дуалистическую», «власть общества над индивидом сохраняется, но и индивид теперь нечто значит сам для себя; в способах практического воспроизводства жизни и в сознании индивида образуется ограниченная сфера, где индивид *довлеет себе*» [там же, с. 77]. Это приводит к конфликту между обществом и индивидом, который выражается, однако, лишь в сознании индивида. «В сознании своем он и отличен от общества и его культуры, и еще всецело принадлежит им. Самую свою способность создать нечто выходящее за пределы существующих ценностей, знаний и норм индивид оправдывает своей уверенностью, что в конце концов это нужно будет обществу – обществу, а не ему самому» [там же].

Данные пяти репрезентативных всероссийских обследований, проведенных в 2018–2022 гг., а также реализованных ранее политико-

социологических исследований позволяют проследить определенные флуктуации внутри присущего российскому социуму социокультурного паттерна (в терминологии Кантора – паттернальной конфигурации) при неизменном воспроизводстве его исторического ядра.

Обследования продемонстрировали консенсус в установках и ориентациях граждан по вопросам социально-онтологического и цивилизационного характера. В опросе 2022 г. при ответе на вопрос о том, «к чему должна стремиться Россия прежде всего», 61% наших респондентов сочли приоритетной целью «благо общества», 50% – «счастье каждого человека», тогда как «величие государства» оказалось лишь на третьем месте (37%). Однако последняя позиция имеет очевидную тенденцию к росту (с 15% в 2019, 2020 гг. до 36% и 37% в 2021–2022 гг.), что очевидно отражает признание людьми необходимости усиления в современных условиях роли государства в жизни российского общества. В целом же в представлениях граждан интересы общества превалируют над интересами индивида.

Таблица 3

Общество, государство и индивид в представлениях респондентов, % опрошенных по годам

Как Вы полагаете, к чему должна стремиться Россия прежде всего? (можно отметить несколько ответов)	2019	2020	2021	2022
К благу общества	44	42	63	61
К величию государства	15	15	36	37
К счастью каждого человека	40	44	46	50

Опросы показывают также наличие тенденции к самостоянию личности, к некоторому (весьма неустойчивому) росту индивидуализма по сравнению с укорененным в российской культуре коллективизмом (идушим от общинности и продолженным в советский период нашей истории), что отражает противоречивость, дуализм российского массового сознания, сочетание в нем глубокой архаики с чертами, присущими эпохе модерна [Ахизер, 1997; Бирюков, Сергеев, 1998; Патрушев, Филиппова, 2017].

Таблица 4

Установка на самостоятельность, % опрошенных по годам

Как Вы считаете, от чего в большей степени зависит благополучие человека? (один ответ)	2018	2019	2020	2021	2022
От самого человека	56	43	52	40	49
От того, насколько справедливо устроено общество	40	49	43	49	41

В контексте дуализма массового сознания усиливается тенденция к дистанцированию от полюсов влияния на цивилизационную идентичность и на самоопределение по отношению к «другим». Данные обследований демонстрируют рост числа граждан, полагающих, что Россия – это особая цивилизация, отличная от западной (европейской) и восточных цивилизаций; в 2021 г. их было 74%, а в 2022 г. – уже 84%). На протяжении последних лет сохраняется и даже растет поддержка респондентами тезиса об «особом пути» России (в 2021 г. – 60%; в 2022 г. – более 63%), тогда как всего лишь 22% в 2021 г. и 17% в 2022 г. готовы были отказаться от поисков «особого пути» и использовать опыт других стран (см. табл. 5).

Таблица 5

Установки на «особый путь» и освоение чужого опыта,
% опрошенных по годам

Какая точка зрения Вам ближе? (дайте один ответ)			
России пора отказаться от поисков особого пути и активнее осваивать опыт, накопленный другими		Россия должна осторожно относиться к чужому опыту, у нее своя, неповторимая судьба	
2021 г.	2022 г.	2021 г.	2022 г.
22	17	60	63

В целом эмпирический анализ установок и ориентаций граждан показывает, что они отражают базовый паттерн социокультурной динамики России. В российском массовом сознании в основном преобладают традиционалистские социально-онтологические установки, соборное, общинное понимание социальной жизни, в котором индивиды неотделимы от общества, трактуемого как органическое целое.

Вместе с тем анализ ценностно-нормативных комплексов респондентов с использованием институционального подхода позволил нам выявить социальные группы по критерию их представлений о предпочтительной для России форме социального и политического устройства¹. Наиболее многочисленной (по данным 2021 г. – 42%, а 2022 г. – 34%) оказалась группа, выбравшая в качестве тако-

¹ Задавался вопрос: *Если говорить о политическом и социальном устройстве, то какая его форма представляется Вам наиболее полезной для развития России? (один ответ)*. Респондентам предлагалось сделать выбор из следующего перечня форм: «демократическая, имперская, либеральная, монархическая, республиканская, советская, существующая сейчас в России».

вой демократическую форму и обозначенная нами как «демократы». Две другие значимые группы – сторонники советского устройства общества («просоветские», их число составило 23% в 2021 г. и 20% в 2022 г.) и группа «консерваторов», приверженцев существующего общественного строя (25% в 2021 г., 29% в 2022 г.).

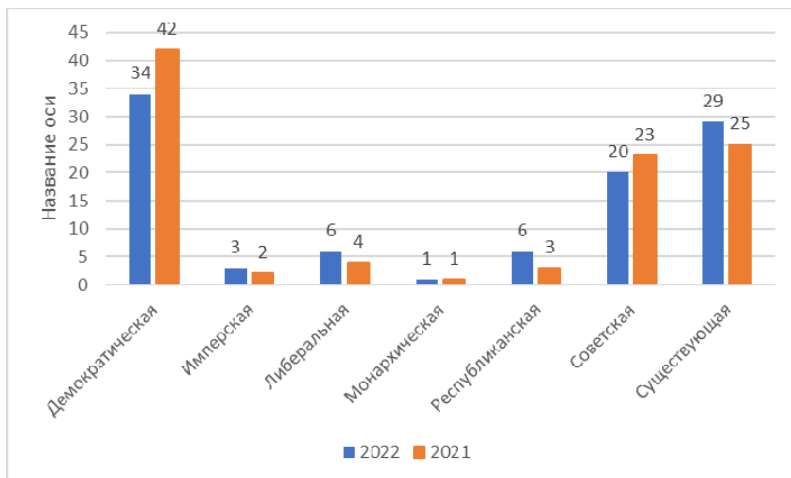


Рис. 1.

Форма политического и социального устройства, полезная для России, % опрошенных, 2021–2022 гг.

Рассмотрим нормативно-ценностные комплексы выделенных групп через анализ индивидуальных ценностей респондентов¹. Во всех группах лидирующее место в иерархии личных ценностей занимают ценности семьи и справедливости. Как видно на рис. 2, конфигурация ценностно-нормативных комплексов схожа у групп «консерваторов» и «просоветских», тогда как у «демократов» она выглядит иначе. У «демократов» существенно большая поддержка ценностей *свободы* и *прав человека* (разрыв с группой «консерваторов» составляет 13 п.п. и 16 п.п. соответственно); у «просоветских» – ценностей *доверия*, *справедливости*, *традиции*, *труда* (разрыв по доверию с «консерваторами» 10 п.п. и «демократами» 14 п.п., *справедливости* – 6 п.п. и 12 п.п. соответственно, *традиции* (11 и

¹ Задавался вопрос: *Что для Вас особенно ценно? Выберите любое число ответов и предлагался перечень из 16 ценностей.*

15 п.п. соответственно). У «консерваторов» в целом средние показатели по всем ценностям; обращает на себя внимание лишь высокий уровень поддержки ценности *личного успеха* по сравнению с группой «просоветских» (на 9 п.п.).



Рис. 2.

**Ценностно-нормативные комплексы групп приверженцев
разных типов общественного устройства,
% опрошенных, 2022 г.**

Группу «демократов» отличают от других групп основанные на ценностно-нормативной системе входящих в нее индивидов установки и ориентации: на самоорганизацию, объединение, коллективное действие, участие граждан в политике (см. табл. 6).

Можно, следовательно, говорить о наличии определенных предпосылок для формирования в российском обществе демократической субкультуры, основанной на ценностях, нормах и ориентациях, присущих современной демократической политике.

Анализ распределения ответов на вопрос о желаемой форме общественного устройства с учетом возрастных различий выявляет преобладание сторонников демократического вектора в молодых когортах, тогда как среди старших когорт явно больше приверженцев советского проекта. Так, по данным опроса 2021 г., в возрастной категории 18–30 лет – 55% «демократов» (против 42% в среднем по массиву), в категории 31–40 лет – 47%. В категориях 51–

60 лет и старше 60 лет сторонников советского строя соответственно 30% и 41% (при 23% в среднем по массиву).

Таблица 6

Установки и ориентации групп приверженцев разных типов общественного устройства, % опрошенных, 2021 г.

Установки	Данные по массиву	Демократическая	Советская	Существующая сейчас
«Граждане могут организоваться сами для решения важных для них задач»	38	41	37	27
Не согласны с утверждением, что «Сегодня каждый сам решает свои проблемы, и нет смысла объединяться с кем-либо»	43	47	41	37
«Как Вы полагаете, участие граждан в политике помогает или мешает принятию властью результативных решений?»	49	53	51	41

Группа «просоветских» включает в себя более старших по возрасту, наименее образованных граждан с низким доходом, тогда как характеристики социально-экономического и демографического статуса входящих в группы «демократов» и «консерваторов» (образование, материальная обеспеченность) в основном не отличаются от средних по всей выборке показателей.

Дополняет картину проведенный на базе обследований 2021 и 2022 гг. факторный анализ принципов и ценностей, важных, по мнению респондентов, для будущего России¹. Были выделены два основных фактора, вокруг которых группируются ценности желаемого общества, названные респондентами, и показан приоритет гражданских и демократических ценностей с опорой на традиции (индекс 4,4 балла по пятибалльной шкале) над рыночно-индивидуалистскими ценностями (индекс 3,8 балла) (см. табл. 7). Таким образом представляется вполне обоснованным вывод о наличии в российском социуме потенциала для институциональных изменений в направлении формирования демократического политического порядка.

¹ Задавался вопрос: *В какой степени, на Ваш взгляд, перечисленные ценности важны для будущего России?*, оценка по 5-балльной шкале, где 1 – «совсем не важно», 5 – «наиболее важно»; приведена доля респондентов, выбравших оценки 4 и 5.

Таблица 7

Ценности, важные для будущего России,
группировка по результатам факторного анализа, 2022 г.¹

Ценности (общий средний балл – 4,2 по пятибалльной шкале)	Фактор 1: Гражданские и демократические (4,4 балла)	Фактор 2: Рыночно- индивидуалистские (3,8 балла)
Справедливость	0,794	
Права человека	0,762	
Труд	0,718	
Равенство	0,715	
Свобода	0,699	
Мораль	0,680	
Семья	0,668	
Традиция	0,649	
Закон	0,629	
Уважение иного мнения	0,578	
Доверие	0,576	
Выгода		0,797
Собственность		0,739
Личный успех		0,717
Конкуренция		0,680
Сила		0,606

Представления россиян об образе будущего, в которых лидируют ценности *семьи, труда, закона, прав человека и справедливости* коренным образом расходятся с их оценкой того, на каких ценностях основывается современное российское общество. Здесь лидируют *сила, семья, личный успех, выгода, собственность*.

Такое рассогласование нормативно желаемого и реального институционального порядка ставит вопрос о легитимации последнего и делает актуальными институциональные и политические изменения. Направленность этих изменений зависит в конечном счете от сдвигов в сознании людей в направлении от традиционализма и архаики, укорененных в отечественной социокультуре, к ценностям современного общества, общества модерна, от способности индивидов к самостоянию, выстраиванию взаимоотношений с обществом и властью на новых основаниях, на принципах взаимодействия и сотрудничества.

¹ Метод выделения факторов: метод главных компонент. Извлечено компонентов – 2. Индексы вычислены на основе ответов по 5-балльной шкале, где 1 – «совсем не важны», 5 – «очень важны».

Таблица 8

**Ценности современного российского общества
и ценности желаемого общества, % опрошенных, 2022 г.**

В какой степени российское общество основывается на следующих ценностях? (Дайте ответ в каждой строке: 5 – в максимальной степени, 1 – в минимальной степени)	Средняя оценка	В какой степени, на Ваш взгляд, нижеперечисленные ценности важны для будущего России? (Дайте оценку в каждой строке: 5 – в максимальной степени, 1 – в минимальной степени)	Средняя оценка
1. Выгода	3,9	1. Выгода	3,5
2. Доверие	3,2	2. Доверие	4,2
3. Закон	3,5	3. Закон	4,6
4. Конкуренция	3,7	4. Конкуренция	3,8
5. Личный успех	3,9	5. Личный успех	4,0
6. Мораль	3,2	6. Мораль	4,3
7. Права человека	3,2	7. Права человека	4,5
8. Равенство	2,9	8. Равенство	4,3
9. Свобода	3,4	9. Свобода	4,5
10. Семья	3,9	10. Семья	4,6
11. Сила	4,0	11. Сила	3,9
12. Собственность	3,9	12. Собственность	4,0
13. Справедливость	3,2	13. Справедливость	4,6
14. Традиция	3,5	14. Традиция	4,3
15. Труд	3,6	15. Труд	4,5
16. Уважение иного мнения	2,9	16. Уважение иного мнения	4,1

Заключение

Изменения неформальных институтов – норм и правил, задающих культурные ограничения, в основном происходят инкрементно, с постепенным внедрением в социум новых идей и ценностей и их накоплением в сознании и поведении людей до уровня, делающего возможной трансформацию институтов. Исследования автора данной статьи последних трех десятилетий позволили выявить наличие в российском обществе демократической субкультуры, носителями которой являются около трети россиян. Они ориентированы на гражданский, демократический вектор развития общества и на освоение современных демократических практик, что потенциально могло бы привести к институционализации демократии как политического порядка [Российская повседневность..., 1996; Институциональная политология..., 2006. Конституирование современной политики..., 2018; Господство против политики..., 2019; Структуры господства..., 2020; Институциональная политология 2.0..., 2024]. При этом важно, чтобы новые для российской

социокультуры и политической культуры институты, нормы и практики осваивались и внедрялись с учетом традиций отечественной культуры, а не механически переносились из иной социокультурной и институциональной среды на российскую почву. Это подразумевает неприменимый учет при выстраивании институтов демократии таких, выявленных в том числе нашими социологическими исследованиями, присущих российской культуре ценностей, выраженных в нормативно-ценностных комплексах граждан, как *справедливость, коллективизм (общинность), семья, труд*.

Однако на данном этапе развития нашего социума востребованными оказываются в первую очередь те архаичные социально-онтологические представления и имеющие глубокие корни в российской социокультуре ценности и установки (составляющие ядро российского социокультурного паттерна), которые препятствуют самостоянию индивида по отношению к обществу и делают проблематичной институционализацию норм и правил, присущих обществу модерна, а следовательно, блокируют формирование современного институционального порядка.

T.V. Pavlova*

Sociocultural factors shaping the Russian institutional order and potential for institutional change

Abstract. The article analyzes the influence of sociocultural factors on the formation of institutional order in modern Russia. It has been shown that the central problem in shaping the Russian institutional order is the congruence of the emerging institutions to the sociocultural environment into which they are embedded. The thesis is based on the need to complement the neo-institutional approach with sociocultural. It is stated that the introduction and development of new, modern institutions are being impeded by the predominance in the mass consciousness of traditional social-ontological attitudes, above all of the sobornost, the communal understanding of social life as an activity of a kind of social organism, in which individuals are inseparable from society and the people as a whole is the expression of objective social truth. It is noted that the formation of a universal, unfragmented institutional order is impeded by the inherent "schism" in Russian socioculture, the conflicting character of culture, and the coexistence within it of different subcultures and values. An obstacle to the formation of institutional order is also the dualism characteristic of Russian culture, which manifests itself in the influence of both Western and Eastern sociocultures, as

* **Pavlova Tamara**, Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), e-mail: tamarapavlova@mail.ru

well as in the combination of deep archaic with traits typical of the modern era. One of the subcultures is democratic; its bearers, according to our empirical research, are about a third of Russians. Analysis of the values and normative complexes of citizens, as well as their attitudes and orientations, confirms the hypothesis regarding the potential for institutional changes in Russian society and the probability of a civic, democratic vector of transformational processes. Such a transformation will be possible if new institutions, norms and practices for Russian socioculture and political culture are grasped and implemented taking into account the specific features and traditions of domestic culture, rather than being mechanically transferred from another sociocultural and institutional environment to Russian soil.

Keywords: neo-institutional approach; sociocultural approach; institutional order; socioculture; values; norms; institutional changes.

For citation: Pavlova T.V. Sociocultural factors shaping the Russian institutional order and potential for institutional change. *Political science (RU)*. 2026, N 3, P. 44–67. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2026.03.03>

References

- Akhieser A.S. Sociocultural dynamics of Russia. To the methodology of research. *Polis. Political studies*. 1991, N 5, P. 51–64. (In Russ.)
- Akhieser A.S. *Russia: a critique of historical experience (Sociocultural dynamics of Russia). From the past to the future*. Novosibirsk: Siberian chronograph, 1997, 594 p. (In Russ.)
- Berger P., Lukman T. *The social construction of reality. A treatise in the sociology of knowledge*. Moscow: Medium, 1995, 323 p. (In Russ.)
- Biryukov N.I. Russian political culture: cognitive approach. *Political science (RU)*. 2006, N 3, P. 47–74. (In Russ.)
- Biryukov N.I., Sergeev V.M. Between dualism and sobornost. Problem and mechanisms of social integration in modern society. *Social sciences and modernity*. 1998, N 4, P. 61–74. (In Russ.)
- Biryukov N.I., Sergeev V.M. *The formation of institutions of representative power in modern Russia*. Moscow: Agency “Publishing service”, 2004, 542 p. (In Russ.)
- DiMaggio P. Culture and economy. In: Radaev V.V. *Western economic sociology: the precept of modern classics*. Moscow: Russian political encyclopedia (ROSPEN), 2004, P. 471–518. (In Russ.)
- Ilyin V.V., Achiezer A.S. *Russian civilization: content, boundaries, opportunities*. Moscow: Publishing house of the Moscow state university, 2000, 304 p. (In Russ.)
- Kantor K.M. *The double spiral of history: historiography of projectism. Vol.1: General problems*. Moscow: Languages of Slavic culture, 2002, 905 p. (In Russ.)
- Kirdina S.G. Sociocultural and institutional approach as a basis of positive sociology in Russia. *Sotsiologicheskie issledovaniia*. 2002, N 12, P. 119–130. (In Russ.)
- Mahoney J., Rueschemeyer D. (eds). *Comparative historical analysis in the social sciences*. Cambridge; New York: Cambridge university press, 2003, 468 p.
- Matveeva S.Y. The divided society: The path and fate of Russia in the sociocultural theory by Alexander Ahieser. In: Akiezer A.S. *Russia: a critique of historical experi-*

- ence (Socio-cultural dynamics of Russia). Vol. 1. From the past to the future.* Novosibirsk: Siberian chronograph, 1997, P. 3–41. (In Russ.)
- Meyer D., Tarrow S. (eds). *The social movement society: contentious politics for a new century.* Lanham: Rowman and Littlefield, 1998, 279 p.
- North D. *Institutes, institutional changes and the functioning of the economy.* Moscow: Foundation of the economic book “Beginning”, 1997, 187 p. (In Russ.)
- Panov P.V. Institutionalism of rational choice. Potential and limits of possibilities. In: Patrushev S.V. (ed.). *Institutional political science: modern institutionalism and the political transformation of Russia.* Moscow: Russian academy of sciences, Institute of comparative political science, 2006, P. 43–92. (In Russ.)
- Panov P.V. Institutional order: approaches to reflection and research. *Political Science (RU).* 2009, N 3, P. 20–38. (In Russ.)
- Panov P.V. *Institutes, identities, practices: a theoretical model of political order.* Moscow: ROSSPEN, 2011, 227 p. (In Russ.)
- Patrushev S.V. (ed.). *Institutional political science 2.0. Transformative politics in Russia: social actors and political institutions in the space of power and domination: monograph.* Moscow: Political encyclopedia, 2024, 519 p. (In Russ.)
- Patrushev S.V., Filippova L.E. Dualism of mass consciousness and typology of mass politics. *Political science (RU).* 2017, N 3, P. 13–37. (In Russ.)
- Patrushev S.V., Filippova L.E. (eds). *Domination versus politics: the Russian case. Effectiveness of institutional structure and potential of strategies for political change.* Moscow: Political encyclopedia, 2019, 319 p. (In Russ.)
- Patrushev S.V. (ed.). *Russian everyday life and political culture: opportunities, problems and limits of transformation.* Moscow: ISPRAN, 1996, 198 p. (In Russ.)
- Patrushev S.V., Filippova L.E. (eds). *Structures of domination, citizens and institutions.* Moscow: Political encyclopedia, 2020, 318 p. (In Russ.)
- Patrushev S.V., Filippova L.E. (eds). *The constitution of modern politics in Russia: institutional problems.* Moscow: Political encyclopedia, 2018, 262 p. (In Russ.)
- Putnam R. *Making democracy work. Civic traditions in modern Italy.* Moscow: Ad marginem, 1996, 287 p. (In Russ.)
- Thelen K., Steinmo S. Historical institutionalism in comparative politics. In: Steinmo S., Thelen K., Longstreth F. (eds). *Structuring politics: historical institutionalism in comparative analysis.* New York: Cambridge university press, 1992, P. 1–32.

Литература на русском языке

- Ахизер А.С. Социокультурная динамика России. К методологии исследования // Полис. Политические исследования. – 1991. – № 5. – С. 51–64.
- Ахизер А.С. Россия: критика исторического опыта (Социокультурная динамика России). – Т. 1. От прошлого к будущему. – Новосибирск: Сибирский хронограф, 1997. – 594 с.
- Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания / пер. Е.Д. Руткевич. – М.: Медиум, 1995. – 323 с.
- Бирюков Н.И. Российская политическая культура: когнитивный подход // Политическая наука. – 2006. – № 3. – С. 47–74.

- Бирюков Н.И., Сергеев В.М. Между дуализмом и соборностью. Проблема и механизмы социальной интеграции в современном обществе // *Общественные науки и современность*. – 1998. – № 4. – С. 61–74.
- Бирюков Н.И., Сергеев В.М. Становление институтов представительной власти в современной России. – М.: Агентство «Издательский сервис», 2004. – 542 с.
- Господство против политики: российский случай. Эффективность институциональной структуры и потенциал стратегий политических изменений / С.Г. Айвазова [и др.]; отв. ред. С.В. Патрушев, Л.Е. Филиппова. – М.: Политическая энциклопедия, 2019. – 319 с.
- Димаджио П. Культура и хозяйство // *Западная экономическая социология: хрестоматия современной классики* / сост. и науч. ред. В.В. Радаев. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2024. – С. 471–518.
- Ильин В.В., Ахиезер А.С. Российская цивилизация: содержание, границы, возможности. – М.: Издательство МГУ, 2000. – 304 с.
- Институциональная политология 2.0. Трансформативная политика в России: социальные акторы и политические институты в пространстве власти и господства: [монография] / С.Г. Айвазова, А.В. Жаворонков [и др.]; отв. ред. С.В. Патрушев. – М.: Политическая энциклопедия, 2024. – 519 с.
- Кантор К.М. Двойная спираль истории: историософия проектизма. Т. 1: Общие проблемы. – М.: Языки славянской культуры, 2002. – 905 с.
- Кирдина С.Г. Социокультурный и институциональный подходы как основа позитивной социологии в России // *Социс*. – 2002. – № 12. – С. 119–130.
- Конституирование современной политики в России: институциональные проблемы / отв. ред. С.В. Патрушев, Л.Е. Филиппова. – М.: Политическая энциклопедия, 2018. – 262 с.
- Матвеева С.Я. Расколотое общество: путь и судьба России в социокультурной теории Александра Ахиезера / А.С. Ахиезер Россия: критика исторического опыта (Социокультурная динамика России). – Т. 1. От прошлого к будущему. – Новосибирск: Сибирский хронограф, 1997. – С. 3–41.
- Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. – М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997. – 187 с.
- Панов П.В. Институционализм рационального выбора. Потенциал и пределы возможностей // *Институциональная политология: современный институционализм и политическая трансформация России* / под ред. С.В. Патрушева. – М.: Российская академия наук, Институт сравнительной политологии, 2006. – С. 43–92.
- Панов П.В. Институциональный порядок: походы к осмыслению и исследованию // *Политическая наука*. – 2009. – № 3. – С. 20–38.
- Панов П.В. Институты, идентичности, практики: теоретическая модель политического порядка. – М.: РОССПЭН, 2011. – 227 с.
- Патнэм Р. Чтобы демократия сработала. Гражданские традиции в современной Италии. – М.: Ad Marginem, 1996. – 287 с.
- Патрушев С.В., Филиппова Л.Е. Дуализм массового сознания и типология массовой политики // *Политическая наука*. – 2017. – № 3. – С. 13–37.
- Российская повседневность и политическая культура: возможности, проблемы и пределы трансформации / под ред. С.В. Патрушева. – М.: ИСПРАН, 1996. – 198 с.
- Структуры господства, граждане и институты / Жаворонков А.В. [и др.]; отв. ред. С.В. Патрушев, Л.Е. Филиппова. – М.: Политическая энциклопедия, 2020. – 318 с.